

Журнал "Смена"

№ 14, 1963

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ж92

Ж92 Журнал "Смена": № 14, 1963 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-458-56418-2

Журнал "Смена" - иллюстрированный гуманитарный журнал, с литературной направленностью. Был основан в 1924 году и был самым массовым журналом для молодежи в Советском Союзе. В начале 1990-х общий тираж журнала составил три миллиона экземпляров. "Смена" был основан решением ЦК РКСМ как журнал рабочей молодежи. Особенность "Смены" всегда была литературная составляющая, часто премьерная публикация произведений была в этом журнале. Так, в первый же год издания был опубликован отрывок из повести Серафимовича "Железный поток". В разные годы в журнале печатались К. Паустовский, Лев Кассиль, Валентин Катаев, Исаак Бабель, Алексей Толстой. После войны журнал вышел за рамки молодежной аудитории и стал популяррен еще больше. В журнале "Смена" состоялась литературная премьера Станислава Лемма - впервые на русском языке был опубликован его рассказ "Проверка лояльности". В семидесятые журнал "Смена" стал журналом в котором впервые был напечатан Кир Булычев

ISBN 978-5-458-56418-2

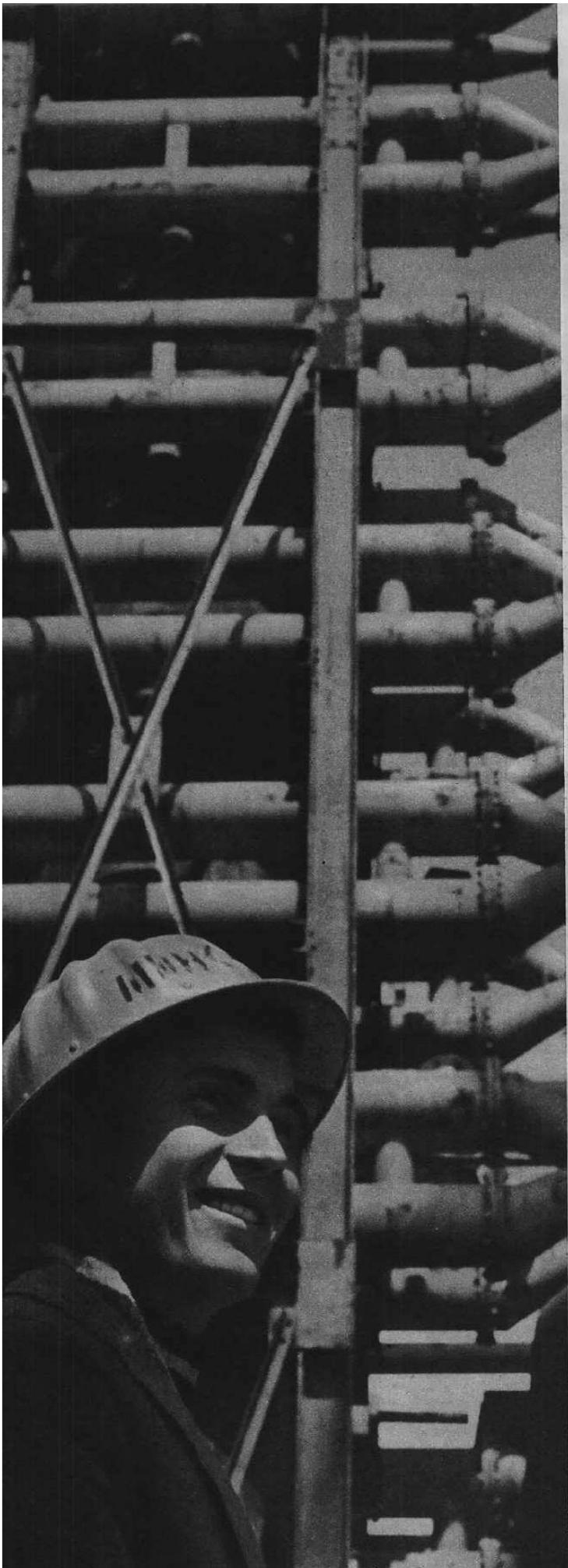
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

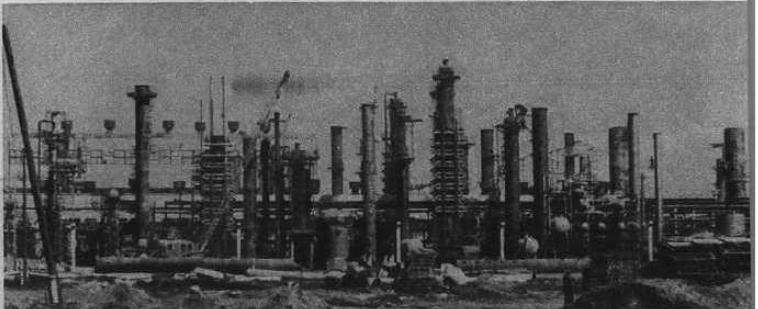
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ХИМИЯ

Фото Г. ДУБИНСКОГО

Новомосковск — это ветры. Было время, когда, кроме ветров со всех четырех сторон света, никто не гулял по этой земле. Летом, как смерчи, подымались в воздух столбы пыли, зимой сиреневствовали снежные ураганы. Но вот немногим более тридцати лет назад сюда пришли комсомольцы. Пришли, чтобы «строить химию».

Вместе с ними приехал и молодой еще тогда драматург Николай Погодин. Позже он вспоминал:

«Мы услышали прежде всего смех и слезы, соединенные в одну музыку звонких голосов, но выделялся голос чистый, еще по-детски неустоявшийся:

— К черту! Не хочу! Сегодня же уеду!

...Щупленская на вид, хорошенькая и трогательная своим упрямым лицом девочка-подросток сидела на постели и проливала слезы. Вот уже какой раз у нее примерзают волосы к подушке!..

— Жди, когда это будет — и город и квартира!.. Жди сто лет!..

Девушка твердо решила покинуть негостепримные места.

Прошло время, и Погодин вновь приехал на стойку. Ни города, ни благоустроенных квартир здесь еще не было.

«Каково же было мое изумление, — писал Погодин, — когда на встрече с орденоносцами я вдруг узнал ту самую девушку, которая омрачила когда-то наше знакомство с обитательницами женского барака! Она носила на груди орден Ленина».

Погодин спросил, почему же она все-таки не уехала из Новомосковска. Ему рассказали, что девушку долго тогда уговаривали. Ничего не действовало. Но неожиданно кто-то сказал:

— Хороший же ты подаешь пример!..

Довод оказался настолько сильным,

что девушка осталась.

«Тут и сказалось, — писал драматург, — новое, глубокое, ответственное чувство коллектива. Беспокойство за судьбу стройки (действительно, а если все так расхрипчутся?) оказалось сильнее всех новомосковских вьюг и буранов».

Очерк, который мы процитировали, Погодин назвал «Мы». Он был опубликован в журнале «Смена» в 1947 году.

И вот мы в Новомосковске 1963 года. Теперь Новомосковский химкомбинат — одно из самых мощных предприятий «большой химии», гордость страны. Двадцать километров отделяют комбинат от южной, жилой части города. Автобус, петляя в зеленых аллеях, вырывается на прямое шоссе — и перед нами конту-

ры индустриального пейзажа. Заводы... Они, как горная цепь, то подъемающаяся, то опадающая. Ее вершины — цехи, или башни, или банки сушильных установок. Есть здесь и свои вулканы вечно дымящиеся гиганты — газогольдеры. В недрах каждой из этих «гор» бесценные сокровища: минеральные удобрения для полей, чудесные гербициды, сырье для получения пластмасс и лавсанов.

Комбинат расширяется, возводятся новые цехи. Это тоже комсомольская стойка. И на многих «вершинах» мы видим красные флаги: это значит, что высота уже взята!

В комитете ВЛКСМ химкомбината мы разговаривали с Борисом Чистяковым, секретарем комсомольской организации хлорного завода, одной из лучших на комбинате.

Борис рассказывает о разном, о большом и не очень большом, вспоминая: Однажды его ребята зашли в лестничный цех. В цехе — хаос. Деревянные ящики громоздились до самого потолка, и от малейшего прикосновения грозили обрушиться на головы рабочих. На полу — грязь. Начальник цеха жалуется: не хватает рабочих рук... А в управлении комсомольцам сказали, что из-за беспорядка цех придется чуть ли не остановить.

— Постой, постой, Борис, при чем эти ящики? Вы же хлорный завод. Разве хлор в деревянной таре доставляют?

— А разве я говорю, что это на цех? Это на другом заводе. Просто наших ребят это воскресенье было свободно. Ну и решили. Пришли в тарные убирали...

Но тара — это еще что! Каждый новый объект или установку по заданному порядку принимает солидная комиссия. Главный в ней, конечно, начальник цеха ему работает. Но порой за один-два обхода всего не проверишь. И вот ребята с хлорного сами еще до сдачи объекта проверяют каждый монтажный узел, каждую технологическую схему.

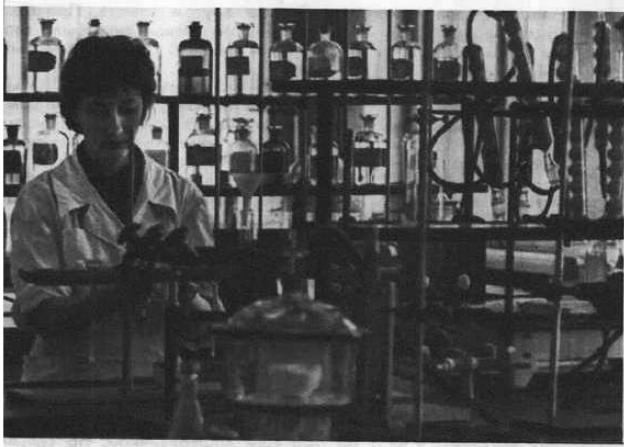
— Что же все-таки главное в вашей работе?

Борис морщит лоб, стараясь сформулировать это «главное». И неожиданно слышу знакомые слова:

— У нас каждый комсомолец — с хлором, или с ацетиленом, или с ДМТ — будет поконится о работе всего комбината.

Я не уверен, читал ли Борис очерк Николая Погодина: шестнадцать лет назад он был еще дошкольником. Но совсем не случайно он произнес эти слова.

Один из строителей «большой химии», мастер по монтажу цеха ацетиlena, комсомолец Валерий Луговой.

А это «малая химия». Лаборантка аналитической лаборатории Надя Сидельникова проверяет ДМТ — сырье для лавсана.

Борьба за большой урожай кукурузы начинается здесь, в цехе сизазина. В этих целлофановых мешках — готовая продукция, гербицид, чудесный помощник кукурузоводов.

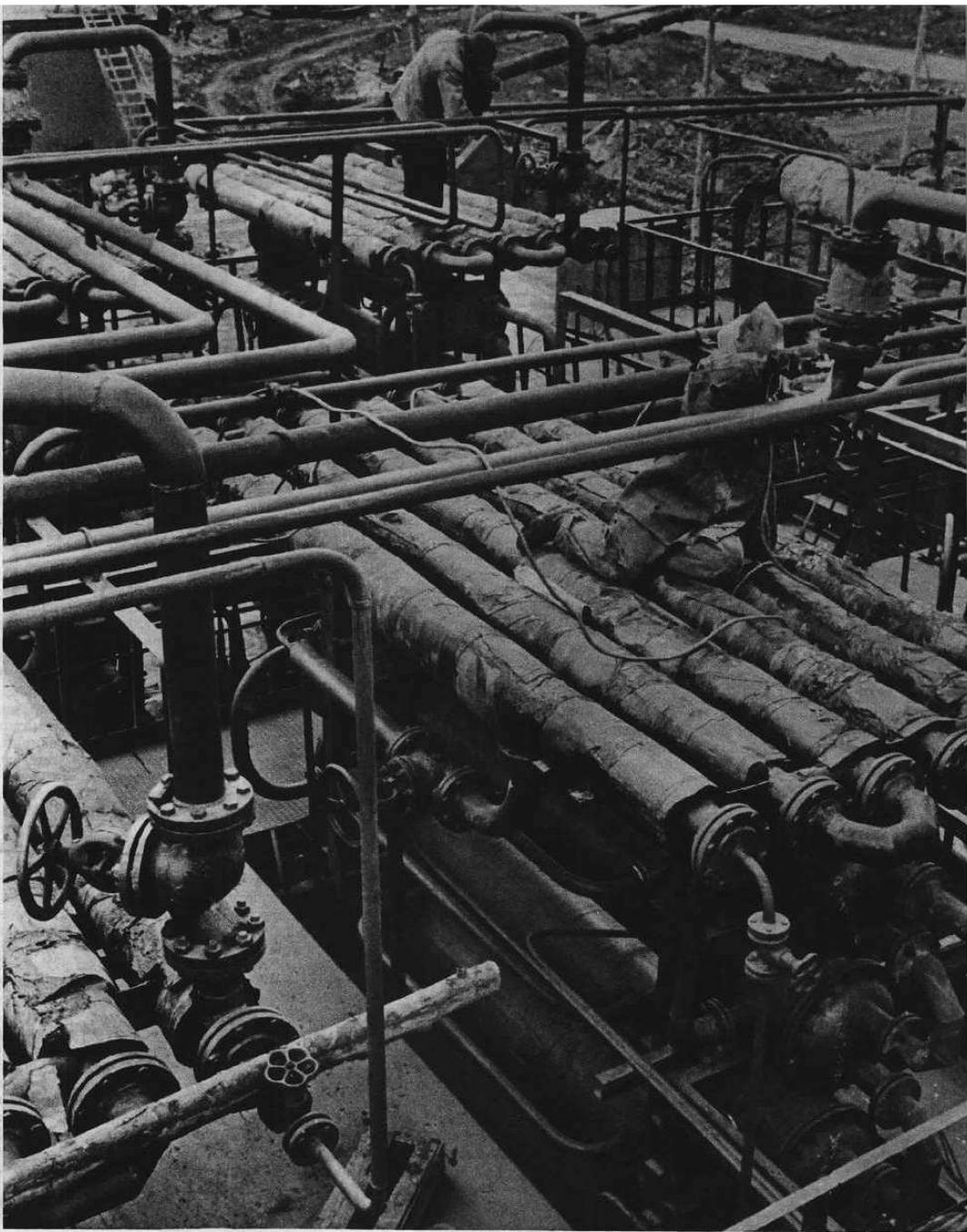

Комсомольцы — монтажник Геннадий Аникин и инженер Виктор Петровский — чувствуют себя «на высоте» так же спокойно, как в проектном кабинете.

них — характер, боевая программа комсомолии Новомосковска, заложенные в легендарные годы пятилеток. И этот характер сказывается во всем: и в том, что ребята, не дожидаясь конца административной переписки, направили своего представителя в Запорожье и добились срочной отгрузки необходимых конструкций; и в том, что на химкомбинате установлен комсомольский заслон проектным ошибкам: прежде чем чертеж попадает на стройку, его изучают до мельчайших деталей комсомольцы-специалисты...

Итак, комсомольская химия.. Комсомольская в самом широком смысле, потому что комсомол не только строит ее.

Мы в удивительном цехе. Четыре этажа хитроумных переплетений труб, четыре этажа неумолчного гула автоматов. Цех называется ДМТ — по названию продукции. Расшифровка длинная: диметилтерефталат. Впрочем, так длино здесь говорят в очень редких случаях. ДМТ — сырье для лавсана. Пятьсот

↑ Громадные резервуары, неваобразимое переплетение труб, энтузиазм строителей — все это и есть «Большая химия». Монтируется цех хлора.

↓ На субботник!

граммов вот таких белых тонких чешуек, напоминающих яичную скорлупу, достаточно для мужского костюма. И все производство этих километров чудесной ткани, весь ритм жизни цеха подчиняется одному голосу. Всюду здесь нас настигает этот решительный, не допускающий возражений голос, усиленный десятками преподукторов:

— Расфасовка, сколько мешков останься, ответьте, расфасовка!

— Пере��ываю подачу оксида, внимание, переќываю подачу!

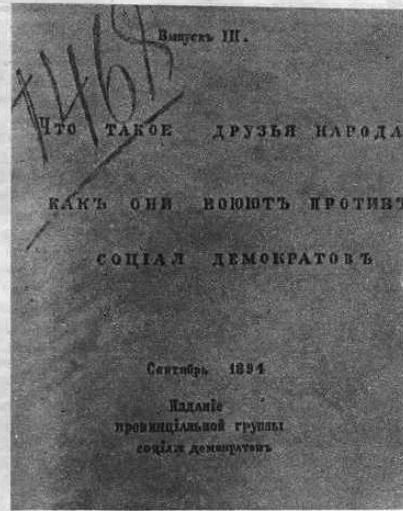
Нам объясняют: это с пульта управления.

Мы ожидали увидеть на пульте седовласого, многоопытного инженера (шутка ли, четыре этажа автоматики!), а увидели... Зину Мурзину. Невысокого роста, худенькая девчушка работает на заводе не так уж давно, а ей уже доверили управление такой сложной технологией! Значит, заслужила доверие!

С этим «заслужил доверие» мы всюду сталкиваемся на химкомбинате, потому что это выражение применяется здесь ко всему комсомолу. В Новомосковске комсомолу верят, ему поручают самое важное, самое трудное. Поэтому и бытует здесь это выражение — комсомольская химия.

И. ВЛАДИМИРОВ

В.И.ЛЕНИН, ГОД ИЗДАНИЯ **1894...**

Когда я впервые увидел этот дом, он не произвел на меня особенного впечатления: просто старый-престарый дом. Но потом до меня дошли отрывочные сведения, что здесь, в деревне Горки Переславские, в усадьбе Ганшиных, в 1894 году печаталась первая часть книги В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Но так ли это? Где найти подтверждение?

И я снова еду в Горки. В деревне я провел несколько дней, но жители ее, даже самые старые, не могли сказать ничего определенного о том, что происходило в усадьбе более шестидесяти лет назад.

Но мысль об усадьбе Ганшиных не давала мне покоя. В сборнике «На заре рабочего движения в Москве» Анна Ильинична Ульянова, сестра В. И. Ленина, вспоминает события 1894 года:

«Первым работавшим эту и следующую зиму был кружок Мицкевича. После ареста этого кружка в декабре 1894 года другая его часть (братья Масленниковы, Кирпичниковы, Ганшин и др.) продолжала работу. Они были связаны с Питетом и издавали как исходящие оттуда сочинения, так и другие, и, кроме того, местные злободневные листки».

Мицкевич — это первый директор нашего музея, и я не мог не знать о его революционной деятельности. Конечно, если бы можно было спросить Сергея Ивановича, все было бы прощено. Но — увы! — ветерана революционного движения нет в живых. Пришлось обратиться к его воспоминаниям «На грани двух эпох». Здесь я быстро нашел то, что искал. Сергей Иванович писал:

«Чтобы размножить это произведение (Ленин, «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»), я обратился к своим знакомым — братьям А. Н. и В. Н. Масленниковым, студентам Московского Высшего технического училища, их двоюродному брату А. А. Ганшину, студенту Петербургского технологического института, с которыми я познакомился через Анну Ильиничну, а Ганшин знал

Здесь, в доме Ганшиных, была напечатана на гектографе работа В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

и Ильич по петербургским организациям. Я от них слышал прежде, что они налаживают работу на литографском камне. Они с радостью согласились на воспроизведение этого сочинения».

Но где все-таки печаталась эта замечательная работа?

Как-то, думая о Ганшиных, я взял обычную московскую телефонную книгу, надеясь найти кого-нибудь из этой семьи. Звонко одному Ганшину, извиняясь, объясняю, что мне нужно, потом — другому, третьему. Наконец, когда начал уже терять надежду, слышу в телефонной трубке:

— Я один из тех Ганшиных. Так сказать, последний из могикан.

Быстро записываю адрес и тут же отправляюсь в такси на другой конец города. Меня встречает Иван Александрович Ганшин, небольшого роста старик с добрыми глазами, младший брат Алексея Александровича Ганшина, о котором писал Мицкевич.

— Да, я знаю о первом издании ленинского труда.

Мой собеседник прищурил глаза и долго молчал, видимо, вспоминая прошлое.

— Никогда мне не забыть того времени, — заговорил Иван Александрович. — Им, моим старшим товарищам, было всего по двадцать с лишним лет, но они думали только об одном — об освобождении народа от царской тирании. Они работали в социал-демократическом кружке, печатали листовки, пропагандировали марксизм среди рабочих. И мы, гимназисты, тоже стремились к тому же. Это объединяло нас со взрослыми студентами-марксистами.

И Иван Александрович рассказал историю, услышать которую я мечтал уже не один месяц.

Это было летом 1894 года. Гимназист И. А. Ганшин проводил свои каникулы в Горках, в усадьбе родителей. В августе приехал туда Алексей и двоюродные братья Александр и Владимир Масленники. Алексей принес с собой какой-то завернутый в ткань вал, Александр Масленников с трудом держал в руках небольшую, но, видно, тяжелую коробку. Вскоре при-

ехал в Горки Ванеев, тоже студент. Друзья часто уединялись, были чем-то озабочены.

Как-то до слуха Ивана Александровича доносились непривычные звуки. Они шли из комнаты Алексея. Приблизился к двери, приоткрыл и увидел вихрастые головы Масленниковых, склонившихся над столом. Алексей сидел за пишущей машинкой. Дверь скрипнула. Алексей вскочил со стула, точно ужаленный, вытянулся у стола. Масленники. Ванеев. Так гимназист И. А. Ганшин стал участником издания ленинской книги.

Иван Александрович прерывает рассказ, поднимается из-за стола и идет к книжному шкафу.

— У меня хранится письмо Анны Ильиничны об этом деле. Хотите взглянуть?

Разворачиваю вчетверо сложенную бумажку. Записка Анны Ильиничны, написанная на служебном бланке, удостоверяет, что И. А. Ганшин действительно участвовал в нелегальном издании книги В. И. Ленина.

— До того мне не приходилось иметь дело с печатанием, — говорит Иван Александрович. — Это исключительно трудоемкая работа.

Да, нелегко было молодым подпольщикам. Текст рукописи сначала печатался на машинке, затем его размножали на литографском камне. Приходилось делать множество отпечатков для того, чтобы получить четкий текст. Иногда на две-три страницы книги уходил целый день, а то и больше. Подпольщики работали в комнате Алексея много месяцев.

Старшие читали книгу В. И. Ленина и часто говорили между собой о борьбе с народничеством. Иван Александрович прислушивался к их разговорам, сначала много не понимал и решил поэтому внимательно изучить ленинский труд.

— Однажды, сбросившая книгу, — продолжил Иван Александрович, — я спрятал ее под рубашку и вышел на улицу. То, что удалось понять из разговоров студентов, не удовлетворило меня: хотелось самому разобраться.

Отправился в лес. Погодив немного между толстыми соснами, выбрался на освещенную солнцем полянку. Опустился на мягкий мох и начал читать.

— Я долго не мог прийти в себя от прочитанного, — вспоминает Иван Александрович. — Казалось, расступился вдруг темный лес и открылась дорога — прямая, ясная. Будто звала она идти по ней, никуда не сворачивая. И тогда, семнадцатилетним юношей, я дал клятву идти за Лениным, за человеком, книга которого прижалась к груди. Кстати, вскоре мне выпало счастье говорить с ним.

— Вы говорили с Владимиром Ильичем? Где же? — вырвалось у меня.

— У нас, в Горках, тем же летом 1894 года.

О пребывании В. И. Ленина в Горках Переславских имелись очень отрывочные и неточные сведения. Никто не мог с уверенностью сказать, был ли он там и, если был, то сколько дней провел у Ганшиных. И вот, оказывается, был Владимир Ильич в Горках Переславских.

— В конце августа 1894 года я и брат Алексей, строго соблюдая конспирацию, отправи-

лись на станцию Рязанцево. Поезд из Москвы приходил ночью. Брат предупредил меня, что наш гость сойдет с поезда на сторону, противоположную перрону. Поэтому лошадь, запряженную в тарантас, я подал к огромному штабелю дров, сложенному за путями. Ждать пришлось недолго. Вижу, подходит брат, а с ним и гость. Протянул мне руку, назывался Ульяновым. Гости поселили в так называемом охотничем домике.

Владимир Ильич пробыл у нас четыре или пять дней. Он много гулял, ходил на охоту. Особенно любил Владимир Ильич сидеть на лавочке, с которой открывался очаровательный вид на мельницу. Уехал он последних числах августа. Я не знаю, о чем говорил Владимир Ильич с Алексеем, но думаю, что приезд к нам Ленина был связан с изданием его книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Иван Александрович показывает на небольшую акварель, висящую на стене.

— Вот эта мельница, на которую любил смотреть Владимир Ильич.

Заросший пруд, огромное мельничное колесо, рядом густой лес, справа уходящее вдаль поле — все это озарено лучами заходящего солнца.

Иван Александрович продолжает рассказ:

— К осени книга Владимира Ильича Ленина была напечатана. Мы переворвали тираж в Москву. Однажды по пути с вокзала в усадьбу я неожиданно обернулся и встретился глазами с незнакомым человеком. Хоть я и был новичком в конспирации, но почувствовал: за усадьбой следят.

— Вы не ошиблись, действительно за усадьбой следили, — сказал я.

— А вы откуда знаете? — удивился Иван Александрович.

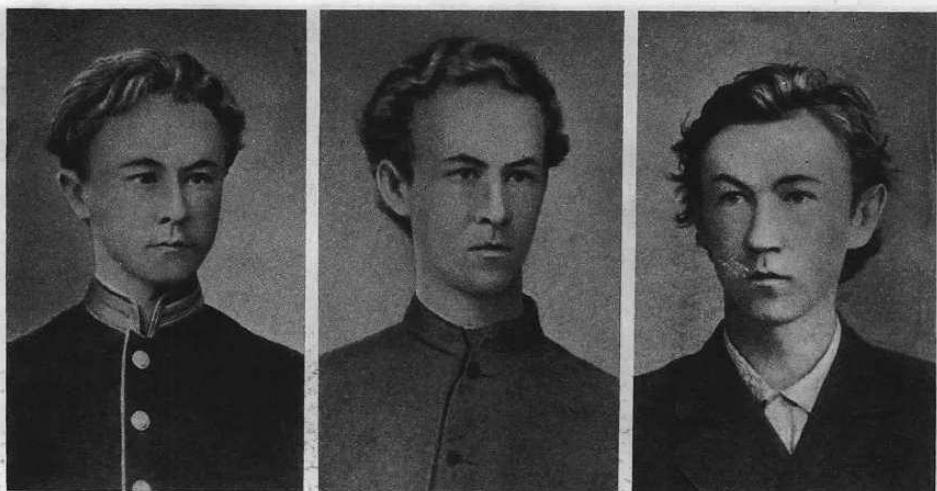
Я вынул из портфеля фотокопию справки, присланной мне Центральным государственным историческим архивом СССР. В ней приводился доклад царского министра юстиции Муравьева министру внутренних дел:

«Негласным наблюдением установлено, что в г. Москве организовался тайный революционный кружок «Социал-демократ», который своей коначной целью поставил ниспровержение установленного в России порядка управления. Главные руководители кружка: Маргин Мандельштам (Лядов), С. И. Мицкевич, А. Н. Винокуров, А. Н. Масленников, В. Н. Масленников, И. Д. Дурново, А. В. Кирличников, Ф. И. Поляков».

Иван Александрович волнованно ходил по комнате.

— Не знали мы тогда об этом, не знали. Тем не менее тираж книги удалось вывезти на нелегальную московскую квартиру. Теперь я вижу, что мы это сделали под носом у сыщиков.

... Из документов царской охранки видно, что за студентами следили. Но почему их не сразу арестовали? Ответ может быть только один: жандармы хотели, чтобы подпольщики раскры-

Братья Масленниковы — Александр, Владимир и Юрий.

ли свои явочные квартиры, связи. И уже позже схватили их — сначала А. А. Ганшина, потом братьев Масленниковых.

— Если это дело вас так интересует, — посоветовал Иван Александрович, — нужно встретиться с Анной Николаевной Лебедевой-Масленниковой, сестрой братьев Масленниковых. Если сейчас пойти, думаю, застанем ее дома.

... В дверях небольшой комнаты нас встретила седая женщина. Рассказывала она не торопясь, обстоятельно, вспоминая детали, подробности.

Ее братья, Александра и Владимира, после ареста поместили в Таганскую тюрьму, в одиночные камеры. Несколько месяцев спустя семье разрешили увидеться с ними. Свидания происходили в особых камерах, в которых арестованные отделялись от посетителей двумя решетками; сетки были так чащи, что через них нельзя было даже различить лицо человека.

— К нам после ареста Александра и Владимира часто заходила Анна Ильинична Ульянова-Елизарова и Мария Ильинична Ульянова — сестры Владимира Ильича — и его мать Мария Александровна. — Раз как-то Владимир писал из тюрьмы, что очень жаль дядюшку, он забыл. Я спросила Юрия, кто этот дядюшка. Он объяснил, что Владимира Ильича арестовали. Братья также называли в письмах тетушкой сестру его, Анну Ильиничну.

Вскоре арестовали и Юрия. Теперь все три студента Масленникова были за тюремными стенаами.

По приговору царского суда Александр и

Владимир подлежали ссылке в Архангельск на три года. Алексей Ганшин должен был провести три года в Вятской губернии. Юрия высыпали из Москвы без права жить в промышленных городах.

При отправке арестованных из Москвы им были устроены на вокзале проводы, собирались родные, знакомые. Анна Ильинична Ульянова тоже пришла проститься с осужденными. Пожав руку Александру Масленникову, она передала ему портрет М. Горького, любимого писателя революционной молодежи...

Недавно я снова побывал в Горках Переславских. Теперь бывшая усадьба Ганшиных уже не казалась мне обычной. Я знал «биографию» каждого строения, каждой тропинки. Вот пруд, который любовался Владимир Ильич. Здесь находился охотничий домик, где он жил. На этом же месте была комната Алеши Ганшина, в которой печатался ленинский труд.

... Звучит «Интернационал», и сотни людей, собравшихся на митинг, видят, как медленно обнажается мемориальная доска с надписью:

«Здесь, в деревне Горких, в 1894 г., в усадьбе Ганшиных печаталась первая часть книги В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

В 1894 году сюда приезжал создатель Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленин».

И. ЛУПАЛО,
старший научный сотрудник
Музея Революции СССР

Андрей АЛДАН-СЕМЕНОВ

Новые стихи

Я в болотных ночных
задыхался от дыма,
На снегу
под осенними звездами мерз.
Только Партия дело,
только Ленина имя
Я сквозь бури,
и беды,
и ночи пронес.

Стекленели глаза,
и душа цепенела,
И мозоли зябли,
на морозе зябли.
Только Ленина имя,
только Партия дело
Поднимали тогда
на работу меня.

Я не ведаю клятья,
я не знаю обетов.
Мне никто
никогда
не вручал партбилет,
Но без Партии нашей,
как без правды и света,
Ни творца,
ни певца,
ни строителя нет!

Я иду болотами,
осокой,
По седым полям,
по ковылю.
Эту землю,
дающую соком,
С детства я без памяти люблю.
Я иду сосновыми лесами;
По лугам иду,
через сады,
Яблони отряхивают сами
Красными планетами плоды.

Прохожу под ветками крушиной,
Песней благодарности томим.
Ты, моя земля, несокрушима,
Страхам неподвластна никаким!

И тебе ни голой,
ни сожженной,
И бездомной
больше не бывать!

* * *
Как же на земле преображеной
Голову до неба не поднять!

Как же не любить ее, скажите?
Я не желторотый коростель,
Славящий чужое общежитье,
Модница и широкую постель.

Я полевка жил землепроходцем
И свои поля, свою тайгу,
Родники свои,
свои колодцы.
Не предам заморскому врагу!

Строчки не продам своей навынос,
Собственное горе хороня,
В бедах я любовь носил и вынес,
Как детей выносят
из огня!

Недавно мир был снова восхищен известием из Москвы: на космической орбите вместе с Космонавтом-б Валерием Быковским — первая женщина-космонавт — Валя Терешкова.

Как готовился этот легендарный полет, чем жили, о чем думали жители Звездного города? Обо всем этом рассказывает в своем дневнике летчик-космонавт К.

Отрывки из дневника летчика-космонавта К. мы публиковали в № 7 «Смены». По просьбе наших читателей мы продолжаем с некоторыми сокращениями публикацию дневника, предоставленного «Смене» редакцией журнала «Авиация и космонавтика».

ДНЕВНИК КОСМОНАВТА К.

15 МАРТА

Не каждый день выберешь время, чтобы написать страничку-другую. Дел по горло, и все надо успеть.

Недавно мы отмечали событие в семье Андрюшиного дублера. Шутка ли, его маленькая Валюша подарила «Дублеру» первенца. Сбылась мечта наших молодоженов — у них родился сын.

Весь день сияющие мать и отец принимали бесчисленные поздравления и подарки. Счастливый отец был на седьмом небе (ведь он космонавт!) и весело подтрунивал над своими женатыми друзьями.

Получилось у него очень здорово: у Юрия — две дочери, у Паши — тоже дочка, даже некоторые наши преподаватели растили только дочек.

Задор «Дублеров» объяснялся очень просто. Еще задолго до отъезда Вали в родильный дом ребята говорили:

— Жди дочку. Статистика работает не на тебя. Даже газеты пишут, что в Союзе рождается больше девочек.

Будущий папа отшутился. Он очень хотел сына. Об этом потом нам рассказала по секрету его жена.

А сколько шума было, когда решали, какое имя дать будущему космонавту. Предлагали: Константин — в честь Циолковского, и имена нашей звездной четверки, и множество других. Но Валя настояла на своем — сын будет носить имя отца.

20 МАРТА

Один из товарищеского рассказал любопытные вещи. Летом во время отпуска друзья затащили его на Арагац.

Арагац — станция космических лучей. Это высоко в горах, отметка — 3 250. Люди поднимаются сюда, на Арагац, дабы посмотреть, как незримое и неслышное становится ясным. Здесь физическая лаборатория. Раздумывая над всем, что нам рассказал летчик-космонавт С., я попытался представить себе, что я знаю о космических лучах. Они прибывают на Землю после долгого и однообразного путешествия через пустынное безмолвие мирового пространства. Очевидно, Земля не цель их странствий. Земля, пожалуй, — только одно из небесных тел, лежащих на их пути. Они бороздят Вселенную во всех направлениях, и нелепо было бы думать, что где-то существует единственный источник их происхождения.

Более того. Мне кажется, «лучи» — даже не очень точное название. Обычно с этим словом связывают представление о чем-то направленном, а мы знаем, что космические лучи — это потоки частиц материи, пронизывающие земную атмосферу со всех сторон. От солнечного света можно укрыться в тени. Такая тень — ночь, всегда охватывающая половину земного шара. В этом смысле от космических лучей спрятаться негде, как в океане не уйти от воды. Лучи — тот космический мировой океан разреженного вещества, сквозь бури и метели которого плывет наша планета Земля.

14 АПРЕЛЯ

Отпраздновали День космонавтики — славный день нашего советского календаря. Подумать только — это вторая годовщина полета Юрия И сно-

ва началась будничная работа. Сейчас тренировки стали еще сложнее. Усовершенствованная техника предъявляет повышенные требования. Это естественно. Каждый новый полет — новое достижение. Мы знаем, да и весь ритм нашей стремительной жизни, ее, так сказать, спидометр, подтверждает, что придет время, когда наши звездные корабли вырвутся за пределы ближнего космоса. Они полетят на Луну, может быть, на Марс или Венеру.

Мечта? Пусть будет мечта. Ведь именно она открывает нам путь в будущее. Когда задумашься над этим будущим, часто приходит мысль, что в дальних полетах будет участвовать не один человек. Выражаясь нашим, авиационным, языком, в космос отправится целый экипаж: космонавт-пилот, космонавт-штурман, космонавт-бортинженер и т. д.

Но дело не только в специалистах. Они могут быть и не совсем такими. Важно другое. Подобрать настоящий экипаж — задача очень сложная. В самом деле, такой подбор не может не учитывать не только физические, но и психологические особенности каждого члена космического экипажа, но и, как у нас говорят, «символичности» людей. Ведь им, отрезанным от Земли, от всего мира, придется провести вместе долгие и очень напряженные дни. А главное — выполнить сложное задание такого полета можно только усилиями всех, кто будет находиться на борту корабля, когда без лишних слов, порой по одному взгляду чувствуешь и угадываешь намерения товарища, понимаешь, чего он ждет от тебя в данный момент.

Сегодня на занятиях в спортзале играли в волейбол. Игра была к тому же и календарной. Я сидел на скамейке запасных и, наблюдая за ребятами, невольно размышлял о проблеме многоместного космического корабля.

С кем бы я хотел попасть в один экипаж?

Мысленно рисовал различные ситуации полета и старался представить себя среди товарищей. Придирчиво, даже, пожалуй, пересечур, я проводил «тест», упорно стараясь найти ответ на мучивший меня вопрос: ну, кто же, кто оказался бы самым надежным, самым верным, самым, если так можно сказать, желанным?

Но... Не нашел я ответа. Запутался. Ну разве можно делить наших хлопцов на «подходящих» и «неподходящих»! Вадор! Готов лететь с каждым и со всеми вместе хоть на другую солнечную систему.

Я иногда смотрю на себя как бы со стороны и думаю: вот этому научил меня Юра, тому-то — Герман. Вдумчивости и хладнокровию я учился у Андрияна. Кстати, этими качествами обладают и космонавты, готовящиеся к новым полетам. Четкость работы, самодисциплина, взаимовыручка... Да разве перечислишь все хорошее, что есть у наших ребят и что они со всей щедростью своего сердца готовы отдать другу!

Сколько полезных советов давали нам те, кто первым испытывал гнетущую тишину и другие специфические особенности сурдокамеры, кто испробовал на себе жар и холод термокамеры, кратковременную, но загадочную и необычную невесомость на борту специального самолета. И все это делали просто, без лишних слов, как обычно поступают товарищи.

Космонавтика любит точность. Иначе нельзя. Ученые подсчитали, что для встречи двух космических тел точность должна быть буквально ювелирной. Например, запуск снаряда на Луну, надо учитывать, что встреча произой-

дет в какой-то определенной точке, куда снаряд и Луна должны прийти через строго расчетное время. Это гораздо сложнее, чем с борта сверхзвукового истребителя попасть в скоростную цель. Ведь до Луны почти четыреста тысяч километров!

На одном из занятий мы прикидывали: если ошибка в скорости полета последней ступени ракеты, которую она разовьет к моменту выключения двигателей, составит всего лишь одну сотую долю процента, траектория полета ракеты отклонится от расчетной на 250 километров; если старт задержится хотя бы на 10 секунд, расчетная точка встречи на поверхности Луны сместится на 200 километров. Вот что такое секундная точность пуска!

Точность нужна во всем. Вот мы и решили привлечь себя к точности и организованности даже в мелочах. Опоздания не только в строй или на занятия, но и просто на встречу с друзьями у нас не допускаются. Проштрафишься, заставишь товарищай ждать себя — получай наказание. Оно у нас хоть и не очень строгое, но не из приятных. Но опоздавши теперь не бывает.

15 АПРЕЛЯ

Вчера мы тренировались в сложных условиях полета. И когда я сегодня перебираю в памяти все наши тренировки, мысли начинают разбегаться в самых неожиданных направлениях. Пытаясь их собрать воедино, я часто задаю себе вопрос: что же было самым трудным наших тренировок?

Может быть, бешеное вращение центрифуги, когда на тебя наваливается с трудом преодолеваемая сила перегрузок, плаза заволакивает туманом, а кровь пульсирует в висках? Или изнуряющая жара термокамеры, когда, облизывая языком пересохшие губы, чувствуешь всю соленость своего пота? Или тягостное одиночество первого пребывания в камере тишины? Вспоминая пройденное, я останавливаюсь на том, что самым трудным для меня был, пожалуй, первый приход в сурдокамеру. Перегрузки приходилось испытывать и на испытателях. Когда ведешь в зоне учебный воздушный бой и, выходя из атаки, стараешься не дать напарнику зайти в хвост, приходится закладывать такие виражи, что, кажется, тонны вдавливают тебя в кресло.

«Сурдо...» — слово нерусское. В переводе с латинского оно означает немой, глухой, тихий... Мне раньше приходилось читать, что врачи уже давно пристосовали тишину для своих целей. С ее помощью они ведут борьбу с болезнями сердца, нервов и другими недугами. Тишина — хороший помощник в их деле. Но для нас...

Все мы привыкли к определенным звукам: шуму на улицах городов, передачам радио, разговору окружающих, специальному шуму рабочих помещений, лекционных аудиторий. А тут попадаешь в мир сплошной тишины. Ни звука, ни шороха, если не считать своих шагов, скрипа кресла и шелеста страниц читаемой книги.

И вот сейчас, раздумывая над всем этим, я как бы снова переживаю тишину сурдокамеры.

Тишина. Она заползает в каждый угол небольшой комнаты и как бы слизывает с тобой, подкрадывается, ждет. Становится даже как-то жутко.

Мне приходилось читать, да и наши врачи рассказывали, что многие американские кандидаты в космонавты не выдерживали этого испытания. Был случай, когда уже через сутки одиночества один из них начал проявлять какое-то странное беспокойство, а на вторые разбужнился.

Никто из первых испытуемых американских летчиков на земле не выдерживал более 44 часов в капсуле, где ограничивалась всякое чувствование. В полной изоляции, когда звуки, свет и другие раздражители не действовали на человека, он обнаруживал смешливость, изменчивость эмоционального состояния, порой крайнюю нервозность. Известны и более серьезные нарушения психики.

Наши ребят не сломила сурдокамера. Андриян, Герман, Павел и другие чувствовали там себя прекрасно. Прошел через это «кинстище» и я. Но, если говорить откровенно, был момент, когда сердце щекнуло.

Это случилось на третий или четвертый день после того, как за мной закрыли тяжелые, толстые двери камеры. Я окунулся в мир тишины. За стенами непрерывно работали самописцы. И вот сработала сигнализация. Что-то щелкнуло. Сноп ярко-красного света ударил в глаза. Пронзительная сирена рванула тишину. Потом все стихло, будто ничего и не произошло.

Врачи тогда дали хорошую оценку моему пребыванию в сурдокамере. Но первые доли секунды, когда в ставшую уже привычной тишину неожиданно врывается резкие звуки, честно скажу, трудные секунды. Зато какими приятными и мелодичными кажутся шум качающихся сосен, монотонное шуршание дождя, голоса знакомых, когда выходишь из этого мира тишины!

24 АПРЕЛЯ

Утром на нашей столовой зашел интересный разговор. Один из «очередников» заговорил о космических обедах. Все сводилось к тому, кто и как снабдит пищей астронавта, летящего, скажем, на Марс. Мы не пришли к единому мнению, будут ли этот вопрос решать химики или биологи. Сейчас действительно сказать трудно.

Но вот интересный расчет годовой потребности каждого члена экипажа межпланетной ракеты: 766,5 килограмма воды (это семь здоровых бочек!), 313,9 килограмма кислорода и 296 килограммов органических веществ.

Любопытные цифры получаются, если сделать посutoчную раскладку. Оказывается, для среднего человека весом 70 килограммов требуется химические элементы: кислорода — 3150 граммов, включая дыхание, углерода — 930 граммов, водорода — 290 граммов, включая выделение; азота — 4,5 грамма, фосфора — 1,5 грамма; калия, натрия, хлора и серы — примерно по грамму. На остальные необходимые элементы — марганец, железо, медь, йод, магний — приходится в общей сложности меньше одного грамма.

Откуда он вычитал все это?

Ребята слушали с большим вниманием. Все это, конечно, очень интересно. Оказывается, и тыква может быть полезна в космических рейсах. Три с половиной метра живых листьев тыквы полностью обеспечивают кислородом одного человека.

26 АПРЕЛЯ

Уже несколько дней тренируемся в невесомости. Невесомость, пожалуй, уже перестала быть сплошной загадкой.

Тренировочные полеты на невесомость стали привычными и, я бы даже сказал, желанными: интересно и необычно. Особенно переход от нормального состояния к невесомости. Сначала сидишь на полу «бассейна», ощущая силу своего веса, потом вдруг между тобой и полом образуется пространство. Чуть оттолкнулся — и поплыл.

Порой бывает мнение, да и я сам раньше так думал, что это парение с отталкиванием от воздуха аналогично обычному плаванию в воде.

В принципе это так. Но есть и разница. Она в пути разгона. Ученые подсчитали, что для человека, плавающего в невесомости, этот путь в восемьсот (800!) раз длиннее. Объясняется это просто: плотность воздуха в такое число раз меньше плотности воды. Плавание в невесомости медленное. На одном метре пути космонавт развивает скорость, равную 2—3 сантиметрам в секунду.

После полета Паша рассказывал об интересном поведении жидкости, находящейся в сосуде. По этому поводу ему задавали много вопросов на пресс-конференциях.

Журналистов интересует все, но иногда они задают такие вопросы, — хоть стой, хоть ладай.

Мне припомнится случай, когда одного из наших ребят спросили, где находится ракета с двумя космонавтами, которую Советский Союз год назад запустил якобы в сторону Солнца.

Когда поинтересовалась: откуда такой бред? — спрашивающий сослался на американскую газету.

У Андрияна однажды спросили: «Возможен ли полет советской женщины в космос?»

Мне очень понравился его ответ:

— В нашей стране есть немало женщин, которые отлично владеют профессией летчика. В годы прошедшей войны они проявляли невиданный героизм, сражаясь в воздухе за свободу и независимость своей Родины. Женщины — врачи, ученые, капитаны морских кораблей, члены правительства... В Советском Союзе это не только возможно, это существует уже сорок пять лет.

И вдруг он сам спросил:

— Ну, вот теперь вы ответьте мне, могут ли советские женщины полететь в космос?

Затем Андриян привел слова, сказанные Н. С. Хрущевым: «Семья космонавтов в будущем пополнится и дочерьми народов нашего многонационального государства».

5 МАЯ

Этот день был по-настоящему весенним. Первомайские праздники позади. Все собрались в наш Звездный городок. Воскресенье. Сегодня никто никуда не поехал. У нас в лесу чудесно...

Юра принес телеграмму.

«Москва, Звездный городок. Стенгазете «Нептун» (это наш боевой сатирический орган). Поздравляем праздником печати. Вечной остройте нептуновскому перу. Желаем быть на космической высоте. Земляне».

Вспомнили веселые и остроумные шаржи, колкие шутки, рассказы в картинах. Наш «Нептун» не бездействует. Держись, если попадешь на его вилы!

Потом, как часто это бывает, разговор перешел в профессиональное русло. Заговорили о кораблях и их создателях.

Трудно найти слова, чтобы воспеть наши корабли. Они замечательные. Да и люди, у которых родилась конструкторская мысль, которые воплотили эту мысль, как говорят, в металле, тоже замечательные.

Несколько раз мы встречались с Главным Конструктором космических кораблей. И он бывал в нашем Звездном городке. Нам приходилось его видеть в различной обстановке. Внешне он очень прост, довольно крепко сложен. Он не молод, но лицо моложавое, приятное, русское. Глаза он слегка прищуривает. Он может показаться очень спокойным. Но так бывает только в те короткие часы, когда дело не касается работы. Наблюдая за ним на космодроме или за просмотром чертежей, в цехе или на заседании Государственной комиссии, этого не скажешь. Главный Конструктор до мельчайших деталей знает дело, умеет все подметать, быстро и правильно оценивать обстановку. У него масса идей, интересных и поражающих нас, новичков космонавтики, своей грандиозностью.

Как-то мы его попросили, и он кое-что рассказал о себе. Оказалось, что он тоже из авиационного гнезда вылетел, четверть века авиации отдал, да и сейчас с ней не расстается.

Вот так, заряженные Главным Конструктором, мы обычно продолжаем этот разговор между собой. Часто просто фантазируем.

Трудно представить уровень развития космической науки через 20, 30, 40 лет. Стремимся представить, какими станут космические трассы в ближайшие десятилетия. В солнечной системе появятся крупные автоматические станции-спутники, наблюдательные пункты на планетах, обитаемые искусственные планеты. Наша Земля станет столицей солнечной системы. Она будет связана незримыми нитями не только с окружающим ее миром солнц, но и с далекими космическими цивилизациями.

Фантазия? Нет, уже не фантазия. На пыльных тропинках далеких планет обязательно останутся наши следы.

9 МАЯ

Сегодня День Победы... Над Москвой гремит праздничный салют, и множество разноцветных огоньков вспыхивает в темном небе. Сижу за столом, держу в руке ручку, а мысли собрать не могут... Война. Она закончилась восемнадцать лет назад. Кажется, что это было давно. А может быть, и нет?

Когда говорят, что человек прожил большую жизнь, мысленно представляют себе годы труда и борьбы, радость побед и горечь неудач, высокий порыв творческого вдохновения, глубину мыслей и зоркий взгляд много погибших глаз.

Мы молоды, большинству из нас не приходилось делиться последней коркой хлеба, видеть кровь убитых женщин, растерзанных детей, трупы на опустевших улицах городов. Но кто смеет утверждать, что минувшая война окесточила сердца нашего народа, а потому сейчас можно встретить холодных эгоистов? Нет и еще раз нет! Люди, прошедшие суровую школу испытаний, стали чище, отзывчивее.

11 МАЯ

Случай... В жизни бывают разные случаи, и у каждого из них своя причина. Поразмыслишь вот так, и раскрывается перед тобой человек.

...Одному из наших героев космоса потребовалось отправить в город Л. Родственнику — сестру жены или что-то в этом роде. Приехал он на вокзал не в мундире со всеми регалиями, а в штатском костюме. Заходит в зал и по привычке направляется к военному коменданту.

— Так и так — помогите, пожалуйста, с билетом.

— Мы обслуживаем только военных.

— Честное слово, я военный.

— Документы.

Полез наш друг в карман, но передумал — не захотел называться (сразу же оговорюсь, что ему вообще повезло: он не похож на свои портреты).

Пошел космонавт к «гражданским» кассам. Посоветовали ему стать в какую-то очередь. Выстоял он ее терпеливо, оказалось, не та касса. Пошел к другому окошечку, еще постоял, но опять безрезультатно. В этом окошечке давали билеты только «туда и обратно». Так и ходил он от кассы к кассе, а время шло, и надо было возвращаться в городок.

Решил рискнуть и заглянуть к дежурному по вокзалу. Здесь состоялся не очень приятный, хотя и порячий разговор. Окончился он этическим: «Много вас тут таких ходят».

Вот и почувствовал наш герой впервые себя бессильным. Космос одолел, а билет на поезд достать не смог. Помочь взялся другой наш товарищ. Он должен был возвращаться несколько позднее и взялся выстоять еще одну очередь.

Когда он вернулся с билетом, поведал нам эту историю и добавил:

— Взял билет, отсчитал положенную сумму и говорю: «А ведь час назад был у вас летчик-космонавт. Понадобилась ему ваша срочная помощь, но...»

И они вспомнились: «Да как же так? Да что же он не назвался? Мы бы... Боже ж ты мой — сам герой космоса бы!»

А разве в этом дело?

17 МАЯ

Сегодня, когда ехали в академию, я спросил Пашу, что такое мечта. Наш разговор подслушал вездесущий Космонавт-5 и со вздохом: опять, мол, философствуете — вдруг высказал интересную мысль. Он сказал, что мечта — это то, что быстрее всего стареет.

Размышляя над этим, я все больше убеждаюсь, что он, пожалуй, прав. Взять наше время. Сейчас даже трудно мечтать. Даже робкий взгляд в будущее требует от человека солидных познаний. Лучший пример, разумеется, космос. У Генриха Гейне в дневниках есть такая запись: «...Земля, это скала, к которой навеки прикован страдающий Прометей — все человечество».

Много чудес видела наша планета. Книги сохранили до наших дней рассказы о победах человеческого разума над таинственными силами природы. Часто с гордостью я думаю о том, что человек все-таки удивительное создание природы. А взять нашего, советского человека. Силы его рук, мощь его мысли мне представляются поистине сказочными. Укажите цель, задачу, проблему, осуществление которых является несбыточной мечтой. Не сможете!

«Высшая цель партии — построить коммунистическое общество». Это свершится! Мы, молодежь, верим в партию, в неисчерпаемые силы своего народа и будем преданно служить ей, настойчиво бороться за осуществление идей, провозглашенных Лениным. Да, нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!

Ну, а наша профессия! Полеты советских людей в космос — это символ того нового, чудесного и смелого, что несет коммунистическое общество.

21 МАЯ

Снова поздно вернулся домой. Зашел по пути к Андрияну, и заболтавшись. В его квартире тот милый беспорядок, который царит в жилищах холостяков. На столе, на подоконниках и даже на полу лежали книги. Андриюша протянул мне томик в коричневом переплете. Прочитал: «К. Э. Циолковский. Избранные труды».

Андрюша купил сборник в Москве и с нескрываемой гордостью заметил, что это — последнее академическое издание. Он, как и Герман, книголюб, собирает книги — его страсть, все шкафы набил ими. Заговорили о работах Циолковского, чрезвычайно интересные и увлекательные. Где книги, там всегда есть о чем поговорить. Вот и болтались. Сейчас сижу и раздумываю над тем, о чем шел спор...

Но не могу согласиться с теми, кто утверждает, будто уже сейчас можно лететь человеку на Луну. Андриян и Герман меня поддерживают. Нам кажется, что здесь нельзя гордиться, и после четырех полетов наших лунников еще многое будет пристрелочных полетов автоматических станций, включая аппараты, которые с приборами совершают не одну посадку на «ночное светило». И лишь после того как мы будем больше знать о Луне, туда сначала будут направлены животные, а потом и человек.

Наш разговор зашел довольно далеко. Мы фантазировали о лунных садах. Впрочем, может быть, это и не фантазия. Вспомнили мыслы К. Э. Циолковского, высказанную им в повести «Вне Земли». По его проекту позади космического корабля находилась оранжерея — своеобразный ботанический сад, который снабжал космонавтов фруктами и другими растительными продуктами.

Правильно ли это соображение Циолковского сегодня? — спрашивали мы себя. И тут же отвечали: для обычных космических полетов, пожалуй, нет. Хотя наземные растения и дают кислорода больше, чем хлорелла, они пока не могут соперничать с ней из-за своей объемности.

Известно, что уже сейчас изготавливаются специальные палатки, в которых поддерживается строго определенный процент кислорода. Человек может ежедневно некоторое время находиться в палатке. Все это хорошо и более удобно, чем кислородные подушки или мешки, но в ней надо лежать и соблюдать определенный режим.

А если идти за мыслью ученого дальше... Представим себе фруктовый сад с яблонями и грушами, с аллеями, обрамленными кустарником. Сад создан в герметическом, замкнутом помещении, и ни одна молекула другого мира не проникнет внутрь. Зеленые листья выделяют кислород, и можно создать любую его концентрацию. Значение таких садов очень велико, и в межпланетных космических кораблях они могут стать их обязательной принадлежностью.

Но это в полете. Как быть тогда, когда, допустим, люди прилетели на Луну? На первое время у них еще будут запасы кислорода и продовольствия, захваченные с Земли. А потом? Вот здесь-то и нужен беспокоиться о культивации растений. Ведь человек прилетит на Луну не из-за праздного любопытства, а ради преобразования ее мертвого мира. Он вырастет пуйные сады, раскроет тайны нашего спутника. Затем Марс, Венера, Юпитер, дорога к дальним звездам...

Пройдут годы, и человек предыдущего уже не удивится, узнав, что в районе Марса работает астрономическая обсерватория, что по маршруту Земля — Луна за месяц перевозятся сотни тысяч пассажиров, что самый лучший санаторий находится на внеземной станции...

23 МАЯ

Часто нас спрашивают, какой вид спорта более всего сопутствует тренировкам космонавтов.

Наши хлопцы любят спорт. Спортивный зал и летние открытые площадки не пустуют. Любят ребята и наблюдать за интересными состязаниями: они заядлые болельщики. Когда играют футболисты киевского «Динамо», Паша от телевизора не оторвешься.

Естественно, что каждый спортсмен любит свой вид спорта и считает его самым увлекательным и полезным. Теннисисты, например, считают, что для отработки реакции нужно заниматься именно теннисом. Но им возражают альпинисты. И в их утверждениях есть логика. Альпинизм воспитывает мужество, развивает глазомер, высокую точность координации движений, чувство равновесия. Кроме того, альпинисты, совершая восхождение на высоты, довольствуются небольшим количеством кислорода в разреженной атмосфере и не теряют при этом работоспособности.

Этот спорт, как и полеты на сверхзвуковых самолетах, требует постоянного сохранения критической оценки своих действий, умения длительно выдерживать значительные физические и нервно-психические напряжения. Однако наша космическая профессия настолько еще молода, что пока довольно трудно определить все «от» и «до», которым должен удовлетворять космонавт.

Ясно одно: для космонавта важно не просто спортивное достижение — прыжок в космос, а решение научных задач, познание закономерностей космического пространства.

...Полгода назад я написал первую страничку своего дневника. Сейчас мы готовимся к новому полету. Готовимся всей группой. Такова традиция: за большое дело беремся сообща. Все вместе мы готовили в полет Юру, потом Германа, затем сразу двоих — Андрияна и Павла. И теперь снова объединим свои усилия. Полет пройдет успешно — это ясно. Несколько пока, кто полетит. Кого назначат командирами новых космических кораблей?

В нашей группе все хорошо подготовлены. Любой пошли — выполнит задание партии и народа. И каждый из нас верит: придет день, и он обязательно полетит, и не просто так, а захватив с собой в далекий космос все земное, все, чем мы жили это время.

25 МАЯ

Сегодня необычный день. Утром у подъезда учебного корпуса собирались наши ребята — коммунисты, командиры, преподаватели, врачи. У всех приподнятое, торжественное настроение. Мы пришли на партийное собрание — традиционное собрание наших коммунистов перед отъездом на старт.

Такое собрание было накануне полета Юрия Гагарина, собрались мы и перед другими стартами, когда провожали на космодром Германа, Андрияна и Павла. И вот снова...

Первым выступил Юра. Он как командир доложил о готовности двух экипажей — мужского и женского — к предстоящему полету, коротко рассказал о проделанной работе, пожелал успешной посадки тем, кто отправится в очередной рейс к звездам.

Потом дружеские напутствия давали Попович, Титов, Николаев, наш командир — боевой и прославленный генерал — врачи, преподаватели. Каждый из них говорил о своем, но всех объединяло одно — твердая уверенность в том, что и это новое задание партии и правительства будет выполнено с честью.

Андрян и Герман вспомнили свои полеты, еще раз дали советы, желающие благополучия и успеха.

Потом выступил наш очередник — Космонавт-5. Хорошо он сказал. Молодец!

— Так уж повелось, что, отправляясь на задание, мы даем «клятву верности, долга, клятву сердца. В космосе побывали четверо моих друзей, четверо коммунистов. Они с честью выполнили задание нашей партии. Я комсомолец. Ленинский комсомол — подручный партии. И если мне доверят совершить этот полет, я сделаю все, чтобы выполнить его, как подобает коммунисту.

За них к трибune подошла наша Валя — первая девушка, которая полетит в далекий и суровый космос. Просто и очень здорово сказала она о своих чувствах и мыслях. Счастливого вам полета, ребята! Мы с нетерпением будем ждать вас на родной земле.

ЧОИ НА КОНФЛИКСИЙ

Юморист, футболист, тракторист... Рифма, конечно, не выдающаяся, но зато парень великолепный!

Рыжий юморист

Этот день был наполнен ревом мотоцикла. Мы мотались с Васей Миговичем по совхозу — из отделения в отделение, от агрегата к агрегату. Мы глотали едкую пыль, ругали последними словами идущие впереди грузовики, обгоняли их и снова мотались по полям. Шел сев. Всё нужно было везде побывать, нужно было вбежать в бешеный ритм этого майского дня, который, если верить пословице, год кормит.

И мы, в общем, вживались. Только где-то после полудня наш мотоцикл замолк у столовой пятого отделения. Мы, чумазые и голодные, молча ринулись за стол, но тут же были выведены из-за него веселой поварихой Валей.

— Идите руки мыть, космонавты! — сказала она, а рыжий тракторист, уминавший за соседним столом огромную краюху хлеба, засмеялся:

— Ты им, Валя, мочалку дай, чтобы им два часа не скрестись. А то я, Валя, спешу и хочу, раз

вышла такая встреча, побеседовать с Васькой Миговичем...

Васька устало хмыкнул:

— Опять душу вынать будет! «Вынание души» началось, как только мы сели за стол. Рыжий парень залпом проглотил стакан простоквши и торжественно заговорил:

— Слыши, прожектор, по-моему, я вполне сорвал для того, чтобы попасть под твой мощный луч. Направь его на меня, пожалуйста. На меня и на мою острую нужду в здоровом и культурном отдыхе. Учи, прожектор, я вкалываю, как Николай Мамай, а футбольного мяча у меня нет. И сетки нет. И ничего у меня в разрезе физкультуры и спорта нет. Если хочешь быть здоров, прожектор, надо закаляться! А я хочу быть здоровым. Как ты на это смотришь?

Вася Мигович иронически посмотрел на рыжего юмориста и спросил:

— Ты с Ирой разговариваешь?

— Это с Горбач? Не-е-е... А ее что, капитаном футбольной команды назначили?

— Пока еще нет. Речь о другом. Ты знаешь, как Ира добыла деньги на музыкальный инвентарь? Так вот — путем проведения воскресников. Так вот у Иры, дорогой товарищ, еще рублей шестьдесят осталось. Сбегай к ней. Может, она тебе эти деньги подарит на память. А скорее всего не подарит. Скорее всего ты у нее получишь бесплатный совет по части сбора и реализации металломана. Это называется обмен опытом.

— Ладно, прожектор, Усвоил. А транспортом поможешь? Мы тогда тут все поднимист, ржавого гвоздя не найдешь!

— Ну, это уже другой разговор, чемпион. Транспортом поможем...

И Вася Мигович пошел к мотоциклу, я уселся у него за спину, и снова гонка от агрегата к агрегату: шел сев, и нам никак нельзя было выбиваться из его ритма.

Девяносто гектаров равнодушия

Володю Анщутца, комсорга пятого отделения, мы долго не могли найти и совсем уже собирались уезжать, как вдруг на дороге показалась бричка.

— Никита Иваныч, Анщутца не видали??

— Как же, видел. На почте он...

— Слушай, посиди-ка ты тут, — это Мигович уже мне говорит, — а я смотаюсь за Володькой. Разда — и назад... Или знаешь что, потолкай пока с Никитой Иванычем. Это управляющий отделением...

Я зашел к Ярошенко. Он посмотрел на меня с явным интересом и спросил:

— Васька-то опять, наверное, бракодела выпил? Не выловил, говорите? Ну-ну... Значит, нет бракоделов. А то бы Васька с них шкуру спустил. Слыши, наверно, про Александра Ходановича, агронома нашего?

Я не слыхал.

— Было у нас бракодельство, было. Хлопцы сеяли начали. А сеяли им старые достались. Такие сеяли, что их труднее отремонтировать, чем часы. И, конечно, насчит нормы высева на этих агрегатах дело плохо. А Ходанович крутил свой мотоцикл. И докрутился до того, что девяносто гектаров пришлось пересеивать. Васька как обнаружил это дело — аж побелел: агроном, и такое допустил! Нарисовали агронома и по всем отде-

лениям развесили. Потом Васька говорит: «Ходанович здороваться перестал». А я думаю так: приближается агроном, приближается и поймет, что прав все-таки Мигович был. Дело есть дело.

Старик оказался интересным, и говорить с ним было одно удовольствие. Но тут под окном затрещал мотоцикл, и я вышел на улицу.

— Знакомься. Это Володя Анщутц. Комсорг, прожектор, киномеханик.

Володя был сердит. Василий тоже: ему бы сейчас громы и молнии, и он метал бы их, невзирая на лица.

— Христофоров негодяй! Тринадцать центнеров зерна спер. Я его, гада, так раскручу, что он до пенсии плакать будет.

— А после выхода на пенсию?

— Тоже! — жестко отрезал Василий. — Ладно, ты меня извини. Не до шуток. Звонил уже я куда надо. Сейчас возьмут его. А тут еще Васька Сурнайбаев напился — четвертый час агрегат стоит. В общем, Володя, включаем прожектор — и никакой пощады!

...И снова я за спиной у Василия. И снова нас швыряют с одного ухаба на другой. Я кричу ему прямо в ухо:

— Слушай, Вася, а может, ты в самом деле перегнул с агрономом? Не может же он везде поспеть! Живой человек.

— Все мы люди. А ты знаешь, что значит пересеять девяносто гектаров? Это все равно, что три агрегата целый день простояли. Понял? Целый день! Тот самый, который год кормит... Девяносто гектаров равнодушия — вот что это такое! Ты у Володьки бы спросил. Я вот спрашивал. Молчал, потому что от злости говорить не может. Это ты понимаешь?

Это я понимал.

Понимал, потому что знал и Володю, и Толю Коллакова, и Тамила Ермоленко, и Веру Ходорашко — «прожектористов», ребят, одержимых идеей железного порядка на всех без исключения участках работы.

Я понимал это. И вопреки всем правилам движения хлопнул главного совхозного «прожекториста» Вася Миговича по плечу, и мы помчались дальше — на встречу дороге...

Без оглядки на чин

О завтрашнем порядке надо заботиться сегодня. О сегодняшнем порядке надо было заботиться вчера. Это элементарно: хороший хозяин сани готовит летом.

Когда Вася Мигович сел за пульт управления «комсомольским прожектором» в «Краснопартизанском», это не было для него очередной «нагрузкой». Это был груз, который не сдвинуть в одиночку. Надо было сколотить вокруг себя ребят. Надо было с ходу браться за дело. Короче говоря, надо было заявить о своем существовании во весь голос.

И «прожектористы» заявили. Во время уборки. В те трудные и радостные дни, когда «сеяльщик» покиняет плоды трудов своих.

В эти дни главный инженер совхоза вдруг воспыпал страстью к своему огороду. Воспыпал, нисколько не заботясь о том, что «обстановка требовала от него быть буквально вездесущим».

«Комсомольский прожектор» взял под обстрел главного инженера. Вася пошел на это, хотя глав-

Ребята пообедали, и в столовой на отдельном стало тихо-тихо. А повариха о чем-то задумалась...

ный инженер в совхозе — фигура видная. Впрочем, именно эта «видность» и подсказала Васе, что отступать тут нельзя: раз главный окопался в своем огороде, то и любой рабочий может сделать то же самое. Он попросту отмахнется от «проектора»:

«Меня, значит, под луч, а главного, значит, побоялся?»

И будет прав.

И Мигович принимает решение: «Иду на конфликт!»

Именно на конфликт, а не склоку. Именно на конфликт, а не шумливую трескотню. Именно на конфликт с серьезными вызовами, с доведением дела до положительных результатов, до «справления имеющихся недостатков».

Одно из отделений совхоза жестоко страдало от нехватки воды. Пробурели на отделении скважину, оборудовали ее как следует, недоставляло только электромотора. Его нужно было установить и подключить. Но инженер-электрик не торопился. Инженер-электрик был спокоен, поскольку он лично в этой скважине не нуждался.

И «проектористы», «селя» на электрика и на слезали до тех пор, пока вода не пошла к людям...

И опять конфликт. И опять сложные отношения «с лицом, подвергшимся критике». И опять первый шаг навстречу этому самому лицу...

...Еще издали заметили мы группу людей, присевших у обочины дороги. Василий притормозил мотоцикл, и один из ребят поднялся нам навстречу — запыленный, весел в мазуте, усталый и какой-то очень светлый.

— Ну, Вася, все. Отселялись!

И Вася крепко пожал протянутую ему руку. А когда мотоцикл снова стал наматывать на колеса дорогу, Вася крикнул мне:

— Это знаешь кто? Это Кузьмин, инженер-электрик. Тот самый. Он на агрегат сел во время сева...

Сев — большое испытание для хлебороба. Из года в год повторяется это испытание, но год не

похож на год, и, наверное, поэтому каждый новый сев таит в себе не всегда приятные неожиданности. И, видимо, подготовка к этому испытанию в том и заключается, чтобы исключить такие неожиданности.

И если в «Краснопартизанском» весенняя страха прошла в общем хорошо, то это заслуга и «проектористов». Они знали, что весна — это испытание. Они готовились к этому испытанию весь год. Они проверили состояние техники и работу столовых, деятельность клубов и качество семян, готовность рабочих и расторопность руководителей.

Ребята готовились строго, не признавая мелочей, не оглядываясь на чины и ранги.

Из наступления в наступление

Мы объехали с Васей Миговичем почти весь совхоз. Мы останавливались у контор, в полях, на фермах и просто на дороге — останавливались везде, где были люди. И люди шли навстречу белобрысому парню в промасленных галифе и говорили:

— Вася, мяса в столовой нет и по такой жаре не будет. Нужно хотя бы на Центральной усадьбе холодильник наладить...

— Вася, с установкой насосов что-то заволнили... А у нас овощи, их поливать надо...

— Вася, «буковинкой» сеем, а «буковинка», сам знаешь, какая кукуруза: от горшка два вершка в условиях Кустанайчины. Нам бы «ВИР-42»!

— Вася, кино где? Месяц ничего не видели...

— Вася...

— Ездил я в Москву, — рассказывает Вася, — на заседание Центрального штаба «комсомольского проектора». Послушал я там, что люди говорили, и, кажется, понял главное: проектор — это каждый день, проектор — это в любом деле.

От кино до производительности труда. Правильно?

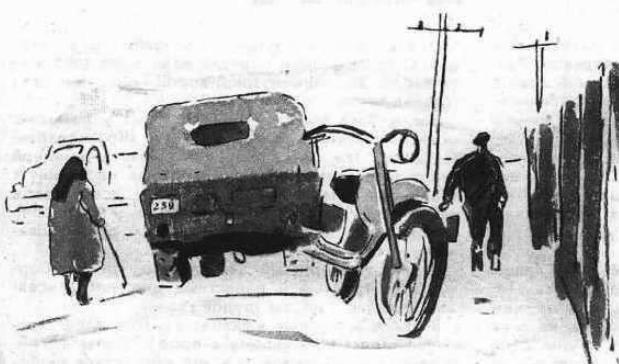
— Правильно, Вася!

И то правильно, что «проектористы» у тебя — вся комсомолия. И то правильно, что дружинники у тебя — тоже «проектористы». И то правильно, Вася, что, хотя и многое сделано, сделать предстоит еще больше: переди уборка, потом новый сев, новая весна, а весна на весну не похожа, и каждой весной у нас — наступление.

Так и надо держать: из наступления в наступление. И пусть, если этого потребует наше большое общее дело, тебе всегда приходит на память твой собственный лозунг:

«Иду на конфликт!»

Кустанайская обл.
Совхоз «Краснопартизанский».

Транспорт переводит дыхание...

Р. ХАРИТОНОВ

РАЙЦЕНТР

Загадочное слово — «будущее»,
И день другой,
и век другой.
Я начинаю день
от булочной
С коврикой хлеба под рукой.
А надо мной висят скворечники,
В них ночью птицы,
звезды днем.
А палисадники
и скверики
Под каждым плещутся окном.

Райцентр.
Не умер я от скуки,
Как врали,
врали мне с душой,
Пугали,
что в раймаге брюки
Еще с полметра шириной.

Пускай мне врут,
не в брюках дело,

Пускай
у брюк не тот фасон,
Пускай
на танцах неумело
Танцуют девочки чарльстон,

Пускай еще здесь в чем-то трудно,
Пускай толкнут, не извиняясь,
Но начинается отсюда
С моей землей

прямая связь.

С землей,
которая нас кормит,
Чьим хлебом сыты на Руси,
С землей,
где руки, словно корни,
По локоть в землю проросли.

Когда земля руками понята,
Она зарей озарена,
Когда земля руками поднята,
Всего не вывезти зерна.

Стонут жара,
как на экваторе,
А мне с машин зерно ссыпать;
На россошанском элеваторе
За хлебом солнца не видать.
Зерно ссыплю —

так держаться!
Ведь мы пока еще должны
За хлеб для будущего драться,
А не за узкие штаны.

Загадочное слово — «будущее».
И день другой,
и век другой.
Я начинаю день
от булочной
С коврикой хлеба под рукой.

